«БОССЫ МОСКВА-СИТИ»

УСЛОВИЯ (НЕ) КОНТРАКТА

АЛИСА БЛЭК

Алиса Блэк

Условия (не) контракта

«Автор»
2026

Блэк А.

Условия (не) контракта / А. Блэк — «Автор», 2026

Ксении Орловой срочно нужны деньги на операцию матери: счёт из клиники, растущие долги и срок до пятницы. Вадим Громов, гендиректор «Громов Капитал», предлагает сделку: полгода Ксения играет его невесту на публичных выходах, а он закрывает её долги и оплачивает лечение Тамары Петровны. Условия прописаны до мелочей. Никаких прикосновений без свидетелей. Никаких личных вопросов. Никаких чувств.Договор подписан, и Ксения переезжает в пентхаус Вадима. Но фальшивые поцелуи на камеру становятся всё менее фальшивыми, и пункты нарушаются один за другим. Сдержанный Громов впервые ревнует. Швейцарский партнёр Лев Немирович открыто ухаживает за Ксенией, и у его внимания свой расчёт.За стеклом Москва-Сити, в поместье под Истрой закрытые ужины, дома тесно и тепло. Ксения привыкла считать риски быстрее коллег, но собственное сердце просчитать не может. Гордость мешает обоим признать, что контракт давно работает против своих авторов.

© Блэк А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 18
Глава 4 24
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Алиса Блэк
Условия (не) контракта

Глава 1
Цена вопроса

Счёт пришёл в понедельник, в девять сорок утра, между отчётом по облигациям и напоминанием о корпоративном календаре. Ксения Орлова открыла письмо от клиники, прочитала сумму, потом прочитала её ещё раз, медленнее, как читают чужой диагноз. Цифра не изменилась.

Она сложила в голове то, что знала наизусть. Зарплата аналитика фонда «Громов Капитал» после налогов: двести восемьдесят тысяч. Кредитная карта, закрытая на пределе, которую она третий месяц гасила минимальными платежами. Потребительский кредит на ремонт маминой квартиры, который когда-то казался разумным. Микрозаём, взятый в марте, когда лекарства перестали помещаться в бюджет. Долги росли быстрее зарплаты, и это было не метафорой, а арифметикой, простой и неприятной, как всякая арифметика, в которой знаешь ответ заранее.

Она закрыла почту, открыла таблицу и добавила новую строку. Потом убрала её и просто сидела, глядя на экран, где ровными столбцами стояли числа, которые не имели значения, пока внизу, в клинике на Пироговке, врач ждал подтверждения оплаты.

На экране всплыло сообщение из секретариата. Ксению вызывали наверх, в стеклянную переговорную на сорок втором этаже. Без повестки, без темы. Просто: «Вадим Алексеевич ждёт вас в 10:00».

Она знала Громова так, как знают директора по отчётам: по пресс-релизам, по редким общим собраниям, по тому, как тихо он появляется в коридоре и так же тихо исчезает. Тридцать шесть лет, безупречный костюм, ни одного лишнего слова на совете. Говорили, что он не повышает голоса, потому что ему не нужно. Говорили также, что после истории с бывшей невестой он перестал ходить на светские мероприятия.

В лифте она поправила воротник блузки и посмотрела на своё отражение в тонированном металле. Лицо собранное. Спина прямая. Внутри всё сжималось в тугой узел, который она привыкла не показывать.

Переговорная оказалась пустой, если не считать Громова, который стоял у окна. Город внизу был серым и мокрым, башни Москва-Сити тонули в ноябрьском тумане, и только красные огни на антеннах мигали, как будто кто-то забыл их выключить.

— Ксения Сергеевна, — он обернулся и показал на стул напротив. — Садитесь.

Она не села. Положила телефон на стол экраном вниз и осталась стоять.

— Я предпочитаю знать, зачем меня вызвали, Вадим Алексеевич.

Он чуть склонил голову, словно отметил ответ как корректный.

— Хорошо. Тогда без предисловий. Мне нужна невеста.

Ксения моргнула. Потом ещё раз, потому что в голове возникла нелепая картинка: кто-то из отдела продаж решил оформить розыгрыш на корпоративном вечере.

— Простите?

— Полгода. Публичные мероприятия, приёмы, два-три закрытых ужина в месяц. Мы появляемся вместе, вы держитесь рядом, я говорю о вас с уважением. Никаких поездок за пределы согласованного графика, никаких интервью без моего участия. Вам не нужно ничего играть сверх этого.

— Вы предлагаете мне роль.

— Я предлагаю вам контракт.

Он положил на стол тонкую папку. Ксения не подошла к ней.

— Почему я?

— Потому что вы умеете считать риски быстрее любого аналитика в фонде, и потому что вас не интересует мой кошелёк. Это я проверил.

— Проверили, — повторила она. — То есть вы выяснили, что у меня долги, и решили, что я соглашусь.

Громов не отвёл взгляд. В его глазах не было ни сочувствия, ни смущения, только ровное внимание, как у человека, который смотрит на таблицу и ищет ошибку в формуле.

— Я выяснил, что у вас есть долги, — сказал он. — И что у вашей матери, Тамары Петровны, назначена операция на позвоночнике, которую вы не можете оплатить. Клиника ждёт предоплату до конца недели.

Ксения почувствовала, как холодеют пальцы. Она не говорила об этом никому на работе. Ни разу.

— Откуда вы знаете?

— Это не имеет значения для нашего разговора.

— Для меня имеет.

— Тогда скажу иначе. Я могу закрыть ваши обязательства полностью. Кредиты, карты, займы. И оплатить операцию Тамары Петровны в той клинике, которую вы выберете. Это не подарок. Это оплата за шесть месяцев вашего времени и вашего присутствия рядом со мной.

Она почувствовала, как внутри что-то дёргается, но не от надежды. От злости, которая была честнее надежды.

— Вы думаете, что можете купить меня на полгода, как офисную мебель.

— Я думаю, что вы умнее, чем хотите показать, — ответил он спокойно. — И что вы уже подсчитали, сколько стоит каждый месяц вашей жизни без этих денег.

Она действительно подсчитала. Сегодня утром, за минуту до того, как открыла письмо из клиники. Это было неприятно слышать вслух, особенно от него.

— Вы не знаете меня, — сказала она.

— Пока нет. Поэтому предлагаю контракт, а не брак.

Слово «брак» повисло в воздухе, и Ксения вдруг увидела, как он тут же поморщился, едва заметно, словно сам себя поймал на неточности. Этот краткий сбой почему-то задел её сильнее всего, потому что показал: он тоже не в восторге от происходящего, но делает это, потому что так надо.

— Нет, — сказала она.

Громов кивнул, будто ждал именно этого.

— Вы можете подумать.

— Я уже подумала. Я не продаю себя, Вадим Алексеевич. Ни за деньги, ни за операцию, ни за ваше удобство перед инвесторами. Найдите другого человека, который устроит ваш график.

Он не стал уговаривать. Не двинулся с места. Только чуть сдвинул папку к краю стола, как будто оставлял её на случай, если она передумает.

— Вам не обязательно соглашаться сегодня, — произнёс он. — Но клиника работает до пятницы.

Эта фраза была ударом ниже пояса, и она знала, что он выбрал её намеренно. Ксения почувствовала, как в горле встаёт горячий ком, и не позволила ему выйти наружу.

— Я знаю, когда работает клиника.

Она повернулась к двери. Стекло переговорной дрожало от вентиляции, в коридоре пахло кофе и новым ковровым покрытием. Она прошла мимо секретарской, мимо пустого стола с табличкой «Глеб Старицкий, юрист», и только у лифта позволила себе выдохнуть.

Двери открылись. Она вошла и нажала первый этаж.

Лифт шёл вниз медленно, и в его зеркальной стенке Ксения видела свою прямую спину и руки, которые сжимали телефон так, что побелели костяшки. Она сказала «нет». Это было правильно. Это было единственно достойное слово.

Но цифра из письма клиники никуда не делась, и где-то в глубине головы уже возникла мысль, которую она не хотела думать: полгода. Всего полгода. А потом мать будет ходить без боли, а долги перестанут расти, и никто не спросит, как она за них рассчиталась.

Ксения резко выдохнула и закрыла глаза, пока лифт опускался сквозь туман и огни башни.

Лифт остановился на первом этаже без толчка. Двери разошлись, и Ксения вышла в холл, где мраморный пол отражал свет люстр, а охранник у турникетов кивнул ей так буднично, будто она просто возвращалась с обеда. Она кивнула в ответ. Это простое движение далось неожиданно тяжело.

На улице пахло мокрым асфальтом и табаком от курильщиков у входа. Ноябрьский ветер пробрался под пальто сразу, за несколько шагов до стеклянной карусели. Ксения остановилась на тротуаре, засунула руки в карманы и посмотрела вверх. Башня уходила в туман, и её верхние этажи были почти не видны, только тусклое свечение за стеклом и несколько освещённых окон, в одном из которых, возможно, всё ещё стоял у панорамы человек в тёмном костюме.

Она не стала искать это окно глазами. Достала телефон.

Письмо из клиники висело в почте без ответа. Ниже, в мессенджере, мигнуло сообщение от матери: фотография чайника на плите и подпись: «Жду тебя вечером. Чай заварю сама, не ругайся, я уже научилась держать ручку ложки». Ксения улыбнулась, и улыбка тут же показалась ей фальшивой. Тамара Петровна любила писать коротко и с юмором, даже когда ей было больно. Особенно тогда.

Ксения набрала ответ: «Буду к восьми. Ложку держи обеими руками». Стёрла. Написала снова: «Приеду к восьми». Отправила.

Потом открыла таблицу. Та же цифра, что утром, те же строки: кредитная карта, потребительский займ, договор с банком, который обещал «гибкие условия» и теперь присылал напоминания каждые три дня. Она сложила в уме проценты, перевела их в месяцы и сравнила с зарплатой аналитика. Результат получился честный и неприятный. Зарплата не успевала за долгом. Долг рос быстрее, чем она могла бы его закрыть, даже если бы перестала есть вне дома и взяла бы ещё одну работу по ночам.

Она знала эти расчёты наизусть. Знала, что через полгода долг станет больше, чем сейчас, а операция, которую врачи назвали «необходимой в ближайшие недели», будет стоить ещё дороже, если откладывать её из-за денег. Всё это было правдой. Но правда не делала предложение Громова приемлемым.

Ксения представила, как он сидит в своём кабинете и спокойно перелистывает её личное дело, будто читает прогноз продаж. Сколько раз он смотрел на её фотографию в корпоративной базе? Сколько строк о ней было в отчётах, которые он подписывал, не глядя на фамилии? Эта мысль вызвала у неё злость, но злость была слабым щитом. Она чувствовала себя голой.

Мимо прошёл курьер с термосумкой, потом двое мужчин в одинаковых пальто обсуждали график поставок. Город жил ровно, без единого сбоя, и от этого становилось ещё тише внутри.

Она вспомнила, как в девятнадцать лет впервые открыла счёт в банке и думала, что деньги сами собираются там, как листья в углу двора. Потом поняла, что их нужно собирать руками. Мать тогда работала на две ставки в школе и на курсах, а вечерами проверяла сочи-

нения и смеялась над орфографией одноклассников. Ксения никогда не просила ни у кого помощи. Так было проще. Так было честнее.

И вот теперь честность вдруг потребовала от неё сказать «нет» и закрыть глаза на счёт, который уже не стоял за дверью, а давил прямо сюда, на грудь.

Она сделала шаг к краю тротуара и остановилась. Машины проносились по эстакаде, фары скользили по мокрому стеклу башен. Где-то за этим стеклом сидел человек, который ничего не сказал ей о любви, зато назвал точную сумму и точный срок. Человек, который не повысил голоса, но пригвоздил её к стулу одной фразой про клинику.

Ксения вдохнула холодный воздух, и он обжёг горло.

Она не вернётся. Она уже сказала «нет», и это было её решение, её слово, её правильный выбор. Но телефон в руке снова дрогнул: новое уведомление из банка, короткое и вежливое, с напоминанием о дате платежа.

Ксения смотрела на экран, пока буквы не расплылись перед глазами, и не убирала телефон в карман.

Она перечитала уведомление ещё раз, теперь уже внимательно, как читают чужие счета. Сумма, дата, пени за просрочку. Ничего нового. Ксения убрала телефон в карман пальто и подняла голову. Туман съел верхние этажи башни, и только несколько окон светились там, где, наверное, всё ещё работали люди, которым не нужно было ничего доказывать.

Она вернулась к стеклянной двери через вход для сотрудников. Охранник у турникетов посмотрел на неё с лёгким удивлением, но пропустил без вопросов. В лифте она стояла одна и считала этажи на табло. Двадцать восемь, двадцать девять, тридцать. Зеркальная стенка показывала ей тот же человек, что и час назад, только теперь с красными от ветра щеками и без прежней уверенности в спине.

Двери открылись на сорок втором. Коридор был пуст. Ковровое покрытие глушило шаги, и только где-то далеко звякнула чашка на кухне для руководства.

Громов всё ещё стоял у панорамного окна. Пиджак он не снял, галстук был затянут ровно, как утром. Перед ним на столе лежал один лист бумаги, ручка и стакан с водой, к которому никто не прикасался. Он обернулся, когда она вошла, и ничего не сказал, только чуть наклонил голову, будто подтверждая, что ждал именно этого.

— Я вернулась, — сказала Ксения.

— Вижу.

— Не обольщайтесь. Я вернулась не за тем, чтобы сказать «да».

— Понимаю. Вы хотите выдвинуть условия.

Она села на стул напротив, не спрашивая разрешения, и положила ладони на стол. Так она всегда садилась перед тем, как защищать бюджет: спина прямая, руки видны, никакого пространства для сомнений.

— Первое. Я читаю каждый пункт. Не резюме, не выжимку от вашего юриста и не «основные положения». Текст целиком, слово за словом. Если я что-то не понимаю, мы разбираем это до подписи, а не после.

— Хорошо.

Он ответил так же быстро, как отвечал на вопросы совета директоров: без паузы, без попытки смягчить. Ксения ожидала торга и почувствовала, что готовые аргументы повисли в воздухе без применения.

— Второе, — продолжила она. — Любой пункт, который я считаю несправедливым, можно изменить. Не обсудить и забыть, а переписать. В документе, с датой и подписью.

— Если это не меняет суть сделки.

— Суть сделки вы определяете сами. Формулировки буду определять я. Иначе это не договор, а ваша инструкция с моим именем внизу.

Громов посмотрел на неё чуть дольше, чем требовалось. В этом взгляде не было раздражения, скорее оценка, как у покупателя, который внезапно понял, что товар стоит дороже ценника.

— Согласен, — сказал он.

Ксения не ожидала, что это прозвучит так просто. Внутри неё что-то натянулось и тут же ослабло, но она не позволила себе этого показать.

— Третье. Деньги не должны проходить через мои руки. Ни одной копейки. Клиника получает оплату напрямую, банки закрывают мои долги по реквизитам, которые я сама проверю.

— Так и предполагалось.

— Предполагалось, что вы скажете это вслух, — возразила она. — Я хочу, чтобы это было записано.

Он взял ручку, но не стал писать, просто повертел её между пальцами, будто проверял вес.

— Клиника получит оплату в течение двух рабочих дней после подписания, — сказал он. — Банки — после получения ваших реквизитов и подтверждения сумм. Вы сами будете сверять каждую цифру.

— Каждую.

— Каждую.

Ксения кивнула и почувствовала, как в груди что-то стало на место. Не облегчение, нет. Скорее ощущение, что стены комнаты перестали давить. Она подумала о матери, о чайнике на плите, о том, как Тамара Петровна держит ложку обеими руками, хотя сказала, что уже научилась. Мысль была тёплой и болезненной одновременно, и Ксения отвела взгляд к окну.

За стеклом город дрожал в тумане. Огни Москвы-Сити размывались, как акварель под дождём, и каждая башня казалась ниже, чем была утром.

— Есть ещё одно, — сказала она, не глядя на него. — Я не буду лгать о том, кто я, перед людьми, которым это важно. Если кто-то спросит прямо о моей работе или о семье, я отвечу правду. Всё, что касается фонда, остаётся вашим делом. Всё, что касается меня, остаётся моим.

— Это не входит в условия сделки.

— Тогда внесите.

Он помолчал. Потом подвинул к себе лист, быстро сделал две строки ручкой и развернул бумагу к ней.

Ксения прочитала. Почерк был ровный, без лишних завитков, как у людей, которые привыкли подписывать документы, не перечитывая. Первая строка: «Пункт о разглашении личных данных сторон ограничивается сведениями, не относящимися к деятельности фонда». Вторая: «Сторона Б вправе отказаться от публичного сопровождения в случае, если его условия противоречат её личным принципам». Подпись под каждой строкой стояла не его, а её будущая, пустая.

— Правки внесены, — сказал Громов. — Текст будет готов к завтрашнему утру. Юрист проверит формулировки, но суть не изменится.

— Суть меняется, когда её читают два человека, — ответила Ксения. — Один — тот, кто её придумал.

Он чуть заметно усмехнулся, и эта улыбка была такой короткой, что её легко было принять за игру света на стекле.

— Тогда читайте, — сказал он.

Ксения придвинула лист к себе. Вода в стакане казалась чёрной на фоне стола. Ручка лежала ближе к ней, чем к нему, и она поняла, что он не просто положил её туда. Он дал ей возможность взять её самой.

Она взяла ручку. Пластик был холодным, почти как стекло за спиной. Она открыла колпачок, и звук вышел резким, неожиданно громким в пустой переговорной.

Первый пункт начинался словами «Стороны договариваются о следующем». Она провела по строке пальцем, как учила мать проверять сочинения: медленно, не пропуская запятых. Дальше шёл второй пункт, третий. Цифры, даты, юридические формулировки, за которыми стояли её мать, клиника, банк, ночи без сна и расчёты в таблице.

Ксения дошла до конца первой страницы и поняла, что уже не ищет повода отказаться. Не потому, что договор был хорош. Потому что она сама только что назвала условия, и он их принял, и теперь эти условия были её собственными, а не его.

Она перевернула лист. Пальцы не дрожали. Ручка оставила первую черту на полях, тонкую и уверенную, и Ксения поняла, что уже не сможет вернуться к тому «нет», которое сказала у лифта.

Первый пункт о сумме долга она сверила с таблицей, которую взяла из дома. Цифры совпали до последнего знака, и это было неприятно: она ожидала найти ошибку, пусть даже мелкую, чтобы было за что зацепиться.

Второй пункт описывал оплату операции. Третий касался срока действия договора: ровно шесть месяцев, с даты подписания. Ксения перечитала его дважды, потом подняла глаза.

— Шесть месяцев, — сказала она. — Почему не четыре и не восемь?

— Совет собирается в марте. К этому времени сделка должна быть закрыта, а отношения должны выглядеть устойчивыми.

— То есть срок выбран под ваш календарь.

— Срок выбран под ваш календарь тоже. Операция и реабилитация вашей матери занимают около четырёх месяцев. Я заложил запас.

Она хмыкнула. Он ответил точно, без попытки обойти вопрос, и от этого спорить стало труднее.

— Оставим срок, — сказала Ксения. — Что с публичными мероприятиями?

Четвёртый пункт гласил: «Сторона Б обязуется участвовать в публичных мероприятиях по выбору Стороны А в количестве не менее двадцати в течение срока действия договора».

— Двадцать, — повторила она. — Вы говорили про несколько приёмов в месяц.

— Двадцать за полгода — это три-четыре выхода в месяц. Из них два-три корпоративных ужина, остальное благотворительность и открытие выставок.

— Я аналитик, Вадим Альбертович, а не манекен на витрине. Если мне придётся улыбаться на фотографиях двадцать раз, я хочу знать, кто будет оплачивать мою работу в эти вечера.

Он приподнял бровь. Это было первое за весь разговор движение, которое выдавало удивление.

— Вы хотите оплату за время?

— Я хочу, чтобы этот пункт был честным. Если я теряю вечер, я теряю его не бесплатно. Пусть будет написано, что расходы на наряды и косметику оплачивает Сторона А, а время сверх двенадцати выходов компенсируется отдельно. Или сократим до двенадцати.

— Двенадцать устроит совет?

— Совет устроит то, что вы им покажете. Двенадцать устроит меня.

Громов молчал секунду, может быть, две. Потом кивнул.

— Двенадцать. Наряды и косметика за мой счёт. Компенсация сверх двенадцати не нужна, потому что сверх двенадцати не будет.

Ксения взяла ручку, зачеркнула двадцать, написала двенадцать и рядом, на полях, короткую пометку: «Сторона А несёт расходы на наряды». Почерк вышел неровным, ей пришлось поставить вторую инициалы, чтобы убедиться, что это действительно её пометка, а не случайная клякса.

Он наблюдал за ней молча. Она чувствовала его взгляд на своих пальцах и заставила себя смотреть только на строку.

— Пятый пункт, — сказала она. — Здесь написано, что вы вправе вносить изменения в график мероприятий с уведомлением за сутки. Я хочу тридцать шесть часов.

— Почему тридцать шесть?

— Потому что за сутки я не успею ни подготовить документы по работе, ни нормально себя показать. Это не капризы. Это расчёт.

— Тридцать шесть часов, — согласился он.

Она поставила галочку на полях, и только потом поняла, что рука у неё не дрожит, хотя внутри всё было натянуто, как струна. Это новое чувство: не страх проиграть, а странная лёгкость, когда тебя слушают и не перебивают.

Она дочитала пункт до конца, до подписи в последней строке. Чужое имя, её собственное имя, ещё ничего не значащие буквы. Ксения положила ручку поперёк листа и посмотрела на неё, как на инструмент, который вдруг стал тяжелее.

Громов тоже смотрел на ручку, потом на неё.

— Дальше? — спросил он.

— Дальше, — ответила Ксения и снова взяла ручку в пальцы.

Глава 2
Двадцать четыре пункта

Кабинет на сорок втором этаже в это время суток напоминал аквариум, из которого выключили свет. Внизу, за стеклом, Москва-Сити подсвечивала себя сама: красные ленты на фасадах, белые точки машин на эстакадах, редкие окна в башнях, где ещё работали люди. Глеб Старицкий давно перестал замечать этот вид. Он смотрел на экран ноутбука, где в третьем столбце таблицы мигал курсор.

Громов стоял у стола и диктовал, не садясь. Пиджак он снял и повесил на спинку кресла, рукава рубашки были закатаны на два оборота. Ни одного лишнего движения, ни одной паузы, которую нельзя было бы объяснить.

— Пункт седьмой, — сказал он. — Стороны не вступают в физический контакт вне присутствия свидетелей.

Глеб набрал текст, потом поднял глаза.

— Перечитайте, пожалуйста, без слова «физический».

— Зачем?

— Затем, что юристы швейцарской стороны будут читать это по-английски, и в переводе «физический контакт» превратится в «контакт», а «контакт» может означать что угодно. Пожатие руки на приёме, поправленный воротник, рука на спине при входе в лифт.

— Это и есть физический контакт.

— Это и есть то, что вы хотите запретить, — кивнул Глеб. — Но вы хотите запретить его при посторонних, а не вообще. Сейчас написано иначе.

Громов взял со стола стакан с водой, сделал глоток и поставил обратно ровно на тот же кружок влаги.

— Формулировка остаётся.

Глеб не стал спорить сразу. Он знал этот тон: тон человека, который уже всё решил и теперь ждёт, пока собеседник закончит свою часть разговора. Пять лет назад Громов точно так же отклонил пункт об ответственности за утечку данных, и через год именно этот пункт спас фонд от иска на сорок миллионов.

— Тогда скажу иначе, — произнёс Глеб. — Пункт написан так, что любое прикосновение, которое не увидел свидетель, становится нарушением. Нарушением становится и то, что случится у вас дома, где есть домработница, охранник и консьерж. Если кто-то из них зайдёт в кухню, в тот момент, когда вы поправите ей прядь волос, вам придётся либо вызывать свидетеля, либо признавать, что договор нарушен. Это не защита, Вадим. Это ловушка, которую вы сами себе строите.

Громов посмотрел на него. Взгляд был спокойный, почти скучающий, но Глеб знал, что за этим спокойствием идёт анализ.

— Вы предлагаете, чтобы я разрешил себе прикосновения в доме.

— Я предлагаю написать, что прикосновения вне публичных мероприятий не являются предметом договора. Или прямо указать, что допускаются прикосновения, необходимые для соблюдения образа в присутствии третьих лиц. Тогда у вас будет то, что вы хотите: никаких сюрпризов на фотографиях и никаких претензий со стороны Орловой.

Громов помолчал. За его спиной в стекле отражалось собственное лицо, наложенное на башни и огни. Глеб видел, как тот смотрит в это отражение, и не мог понять, о чём он думает.

— Нет, — сказал Громов.

— Почему?

— Потому что договор написан для того, чтобы никто не мог сказать, что здесь есть что-то, кроме условий. Если пункт будет размыт, у неё появится право думать, что границы можно двигать. Если он жёсткий, границы понятны обоим.

— Жёсткость тоже может обернуться против вас, — сказал Глеб, но уже тише.

— Значит, я буду внимательнее, — ответил Громов. — Не меняйте ни слова.

Глеб посмотрел на текст. Седьмой пункт стоял на экране: короткий, сухой, без единого «возможно» или «как правило». Ничего лишнего. Так мог написать человек, который давно решил не допускать в своей жизни неопределённости, даже там, где неопределённость была бы полезна.

Он отодвинул ноутбук и потянулся к бумажной версии, которую утром распечатала секретарь. Пометки на полях были его собственные, карандашные, аккуратные. Рядом с седьмым пунктом он поставил вопросительный знак, потом стёр его и написал слово «ловушка» так мелко, что его вряд ли заметил бы кто-то, кроме него самого.

— Восьмой пункт, — сказал Громов. — Расходы на медицинское сопровождение оплачиваются Стороной А в течение срока договора. Счёт передаётся напрямую в клинику, минуя Сторону Б.

— Она просила, чтобы деньги не проходили через её руки, — напомнил Глеб.

— Она просила, и я согласился. Пишите.

Глеб набрал текст. Клавиши щёлкали в тишине, и этот звук почему-то казался громче, чем гул вентиляции под потолком. Он вдруг подумал, что за последние два часа Громов ни разу не назвал её по имени. Ни «Орлова», ни «Ксения», ни «Сторона Б». Только пункты, цифры, сроки. Это было ровно то, что Громов умел лучше всего, и то, чем он прятался от всего остального.

— Девятый пункт, — продолжил Громов. — Личные вопросы не задаются. Никакой информации о прошлом, семье, отношениях, если это не касается публичного образа.

— Она уже внесла правку в эту часть, — сказал Глеб. — Сторона Б вправе говорить правду, если её спрашивают прямо о работе или родных.

— Я видел.

— И?

— И это уравнивает условия.

Глеб усмехнулся.

— Вы никогда не уравнивали условия, когда речь шла о вас.

Громов не ответил. Он прошёлся до окна, остановился у самого стекла, так близко, что его дыхание, наверное, оставило бы на нём пятно, если бы стекло не было таким холодным. Внизу проползла машина, и её фары на мгновение осветили его лицо снизу, резко, почти незнакомо.

— Тринадцатый пункт, — сказал он, не оборачиваясь. — Срок уведомления о изменениях графика. Тридцать шесть часов.

— Это её пункт.

— Да. Оставьте.

Глеб записал. Потом ещё раз посмотрел на седьмой, на слово «вне», которое стояло в тексте так просто, будто ничего не весило. Он подумал, что через месяц, может быть через два, кто-то из них вспомнит эту формулировку. И, скорее всего, не с благодарностью.

Он отложил ручку на край стола, выровнял её параллельно краю листа, как это делал Громов, и посмотрел на спину друга в тёмном стекле. Ни слова не сказал вслух. Просто запомнил седьмой пункт слово в слово, с его «вне», с «физическим» и с вопросом, которого так и не задал.

— Пункт двадцатый, — сказал Громов, когда Глеб уже потянулся, чтобы сохранить файл. — Стороны обязуются не раскрывать условия договора. Исключения: налоговые органы, совет

директоров фонда и близкие родственники Стороны Б, если она даст на это письменное согласие.

— Близкие родственники, — повторил Глеб. — Она попросила включить мать?

— Она попросила. Я согласился.

Глеб кивнул и напечатал. В тексте не появилось ни имени, ни слова «мать», только сухое «близкие родственники». Он подумал, что и это формулировка, которая многое выбирает за человека, даже если выбирал её юрист.

— Двадцать первый, — продолжил Громов. — Публичные мероприятия, совместные выходы и фотосессии в количестве не более двенадцати за срок действия договора. Каждое мероприятие согласовывается не позднее чем за неделю.

— Это её цифра?

— Это цифра, которую она назвала. Я предлагал шестнадцать.

— И вы уступили четыре выхода.

— Я уступил её точности. Двенадцать — это один выход в месяц и один в запасе. Она считала, сколько часов займёт каждый приём, и сравнивала с рабочим графиком. Я не стал спорить с расчётами.

Глеб на секунду поднял глаза. Громов говорил ровно, без иронии, но в последней фразе прозвучало что-то, чего Глеб раньше у него не слышал. Не уважение, нет. Скорее признание того, что с этим человеком придётся считаться.

— Двадцать второй, — сказал Громов. — Наряды, украшения и транспорт оплачиваются фондом. Возврату не подлежат.

— А если она сама захочет что-то купить?

— Тогда пусть покупает. Пункт не запрещает.

— Он и не разрешает.

— Пишите так, как есть.

Глеб написал. Потом, помедлив, добавил в скобках на полях: «проверить, кто будет утверждать чеки». Громов, видимо, заметил движение его руки, но ничего не сказал.

— Двадцать третий, — продолжил он. — Срок действия договора шесть месяцев. Пролонгация возможна только по взаимному согласию сторон, оформленному в письменном виде.

— То есть без её подписи ничего не продлится.

— Именно.

— И без вашей тоже.

— Разумеется.

Глеб кивнул, но не сразу начал печатать. Он смотрел на последнюю фразу и думал о том, что шесть месяцев — это много для сделки и мало для всего остального. Двадцать три пункта были безупречны. Каждый закрывал дыру, которую можно было бы использовать против фонда. Но между строк всё равно оставалось место, и место это не занимал никто из них.

— Двадцать четвёртый, — сказал Громов. — Права и обязанности по договору не передаются третьим лицам. Договор вступает в силу с момента подписания обеими сторонами.

Глеб набрал последние слова и откинулся на спинку стула. Часы на стене показывали начало двенадцатого. За окном кто-то в соседней башне погасил свет, и на фасаде осталась только одна полоса, тонкая и неподвижная.

— Двадцать четыре пункта, — сказал он. — Формально готово.

— Формально, — отозвался Громов. Он подошёл к столу, взял бумажную версию и пролистал её, не читая, как листают документы, которые уже знают наизусть. Остановился на седьмом. Глеб видел, как палец задержался на строке, ровно на одно мгновение, и пошёл дальше.

— Завтра в десять, — сказал Громов. — Она придёт с правками.

— Вы уверены, что она их не предложит прямо сейчас?

— Она предложит. Просто не сегодня.

Глеб не стал уточнять, откуда такая уверенность. Он взял ручку, которой писал пометки, и положил её на край стола. Выровнял параллельно краю листа, ровно так, как делал Громов, и только потом понял, что повторил чужой жест. Он посмотрел на его спину, на тёмное стекло, в котором отражались огни Москвы-Сити и два силуэта в пустом кабинете.

Ничего не сказал вслух. Про себя повторил седьмой пункт, слово за словом: «стороны не вступают в физический контакт вне присутствия свидетелей». И рядом с этим «вне», которое так легко было бы убрать и которое никто убирать не собирался.

* * *

Ксения пришла в переговорную ровно в десять, за две минуты до назначенного времени, и на секунду задержалась у стеклянной двери, чтобы проверить, не мнётся ли папка в руках. Папка была тонкой, но собранной аккуратно: двадцать четыре страницы договора с её пометками, цветные стикеры по краю и отдельный лист, где каждая правка была пронумерована и сверена с исходным пунктом. Вчера она просидела над этим до часу ночи. Утром перечитала ещё раз, потому что привыкла: если ошибка в расчёте, её найдут чужие люди, а не она сама.

Громов уже сидел в торце стола. Пиджак висел на спинке стула, рукава рубашки были чуть закатаны, и в этом было что-то непривычно домашнее, хотя в комнате ничего домашнего не было. Перед ним стояла чашка кофе. Ксения заметила, что плёнка на поверхности уже успела затянуться, и подумала, что он, скорее всего, не замечает, сколько времени прошло.

— Доброе утро, — сказала она и села напротив, не дожидаясь приглашения. — Я принесла правки.

— Вижу. — Он кивнул на папку. — Глеб сказал, что вы придёте сегодня.

— Глеб был прав. Он редко ошибается в людях, которых видит второй раз.

Громов взглянул на неё поверх очков, которые надевал только для чтения, и Ксения мысленно отметила этот жест: не скрывает, что ему нужны очки. Для человека, который держит в руках полторы сотни миллионов чужих денег, это было странно честно.

— Начинайте, — сказал он.

Она положила перед ним первый лист.

— Двадцать пятый пункт. Любая из сторон вправе расторгнуть договор в одностороннем порядке, если сочтёт условия нарушенными. Уведомление за тридцать шесть часов. Штраф не взимается ни с одной стороны.

Он не стал перечитывать. Просто смотрел на строку.

— Штраф предусмотрен в двадцатом пункте, — сказал он. — Обе стороны несут ответственность за разглашение.

— Это про разглашение. Я говорю про выход.

— Выход предусмотрен договором. Срок — шесть месяцев.

— Выход предусмотрен только для вас, — спокойно сказала Ксения. — Посмотрите на восемнадцатый. Если я уйду раньше срока, я возвращаю всё: долги, которые вы закрываете, и стоимость операции. Это примерно четыре миллиона восемьсот. Если вы считаете, что я нарушила условия, вы сообщаете мне об этом, и я возвращаю эти деньги. Если я считаю, что нарушили вы, я не получаю ничего. Ни компенсации, ни права на выход. Это не договор. Это лотерея, в которой у меня один билет.

Громов молчал. Потом снял очки и положил их на край стола, ровно параллельно кромке, и Ксения подумала, что он делает это автоматически, как дышит.

— Вы считаете, что я буду придираться, — сказал он.

— Я считаю, что через четыре месяца вы будете уставшим человеком, которому нужно доложить совету, что семейная история в порядке. И любой мой выход в ресторан покажется

вам нарушением графика. Двенадцать выходов — это не проблема. Проблема в том, что вы будете помнить каждый из них как отдельный риск.

— Это ваши выводы.

— Это расчёт. — Она перевернула лист и положила перед ним второй, испещрённый цифрами. — Я оценила вероятность того, что я нарушу условия, в ноль целых две десятых процента. Это по моим данным, по тому, как я работаю, и по тому, что я уже подписала в своей жизни. Вероятность того, что вы сочтёте нарушенным что-то, что я сочту нормой, значительно выше. Оценить её сложнее, но разница между этими двумя цифрами и есть та цена, которую я буду платить, если пункта не будет.

Громов взял лист. Ксения смотрела, как он читает: не спеша, слева направо, дважды возвращаясь к одной и той же строке. Она знала эту строку наизусть. Знала, что он будет искать в ней слабое место: допущение, которое можно оспорить, пропущенный коэффициент, ошибку в процентах. Она сама искала такие ошибки всю ночь и нашла одну, в третьей колонке, и исправила её до утра.

— Допущение о сроке уведомления, — сказал он наконец, не поднимая глаз. — Вы закладываете в расчёт тридцать шесть часов, но не учитываете, что за это время может прийти письмо от швейцарской стороны.

— Учитываю. Это строка четырнадцать. Если письмо придёт после уведомления, оно не считается основанием для выхода.

Он перевернул страницу и нашёл строку. Потом посмотрел на неё с выражением, которое трудно было назвать удивлением, но и назвать недовольством было нельзя.

— Ваш расчёт верен, — сказал он.

— Я знаю.

— Вы не можете его опровергнуть, — продолжила она, не дождавшись ответа. — Вы пытаетесь, но не можете. Поэтому вы сейчас думаете, как сказать «нет» так, чтобы это не выглядело, будто вы проиграли.

Громов усмехнулся, едва заметно, одним уголком рта. Ксения впервые увидела у него эту улыбку и почему-то не знала, как к ней относиться.

— Пункт двадцать пять, — сказал он. — Принимается. Глеб внесёт правку сегодня.

Она не сразу поверила, что это всё. Ожидала длинного торга, отказа в трёх формулировках, долгой паузы, в которой он будет подбирать слова, как подбирает цифры. Вместо этого он просто взял ручку и поставил рядом с её пометкой короткую галочку.

— Я думала, вы будете спорить дольше, — сказала она.

— Я спорил. Вы выиграли. — Он посмотрел на часы. — Подписание завтра в десять. Глеб подготовит две версии, одну с вашими правками, другую с его.

— Одну версию, — поправила Ксения. — Вторую не нужно. Мы же не будем подписывать две разные сделки.

— Одну, — согласился Громов.

Она собрала листы, аккуратно выровняв их по краю. На секунду задержала взгляд на седьмом пункте. Рядом с «вне» осталась её пометка, мелкий карандашный знак вопроса, который она поставила ещё вчера и не стала стирать. Ксения подумала, что, если Громов заметит его, он может спросить. Но он не спросил. Он просто смотрел на неё, пока она вставала, и взгляд этот был внимательным, прямым и каким-то неуверенным, словно он сам не понимал, зачем задерживает её.

— До завтра, — сказала она.

— Завтра в десять, — ответил он.

Дверь закрылась без звука.

Громов остался один. Кофе давно остыл, пленка на поверхности стала матовой, и он не стал её трогать. Он смотрел на место, где она сидела, на отодвинутый стул, на чистую полосу стола, на которой не осталось ничего, кроме его очков. Потом взял их, но не надел.

Завтра в десять. Он сам вписал эту встречу в календарь вчера вечером, ещё до того, как Глеб дописал последний пункт. Вписал, не задумываясь, как вписывал всё, что требовало подготовки. Сегодня утром, в первые полчаса, он не вспомнил о ней ни разу. Потом вспомнил. Потом поймал себя на том, что уже три раза посмотрел на часы и вычислил, сколько часов осталось до десяти.

Он встал, подошёл к окну. Внизу, на Пресненской набережной, машины шли медленно, одна за другой, и их фары сливались в тонкие светлые нити. Громов смотрел на них и думал не о договоре, а о том, что человек, который считает риски быстрее любого коллеги, оставил в его документах знак вопроса там, где он сам поставил бы точку.

Он не стал его стирать. Это тоже было странно.

Глава 3
Вид с сорок второго

Лифт поднимался без единого звука. Ксения стояла посреди кабины, прижимая к груди папку, и смотрела, как на табло медленно сменяются цифры: тридцать второй, тридцать третий, тридцать четвёртый. Зеркальная стенка отражала её в сером пальто, с сумкой на плече. Она выглядела как человек, который приехал на собеседование и уже знает результат.

Сумка была одна. Ксения пересчитала вещи вечером, укладывая их на кровати в съёмной однушке в Марьиной Роще, и получилось немного: два свитера, зарядка, ноутбук, косметичка и старое издание Чехова с маминими карандашными пометками на полях. Книгу она взяла в последний момент и теперь ощущала её тяжесть отдельно от остального, как ощущают в кармане случайный камешек.

В папке лежало другое. Подписанный экземпляр договора на двадцать четыре пункта, копия счёта из клиники на Пироговке, график платежей, который она составила ночью, и ещё один лист, с её собственными цифрами, выведенными мелким почерком на полях. Всё это Ксения держала так, будто от аккуратности зависело, выдержит ли бумага то, что на ней написано.

Табло остановилось на сорок втором. Двери открылись бесшумно, и Ксения на секунду задержалась, прежде чем выйти, словно проверяла, можно ли ещё вернуться в кабину и нажать первую кнопку.

Коридор был коротким и светлым. Пол из тёмного камня, гладкий, без единой царапины. Справа, за стеклянной перегородкой, угадывалось пространство, уходящее вверх и вдаль. Слева — дверь без ручки, с панелью для кода. Ксения помнила цифры, которые Громов прислал ей вчера одним сообщением, без приветствия и без подписи, и набрала их, не ошибившись ни разу.

Замок тихо щёлкнул.

Квартира встретила её тишиной, которая была не пустой, а очень плотной, как воздух в хорошо закрытом сейфе. Ксения сделала шаг и остановилась. Стены в гостиной не было вовсе. Вместо неё стекло, от пола до потолка, и за ним, на высоте сорока двух этажей, лежал город.

Ксения не сразу поняла, где кончается комната и начинается воздух. Внизу тянулась река, чёрная и неподвижная, с редкими бликами от фонарей набережной. Дальше, за мостом, светились башни Москва-Сити, которые она каждый день видела снизу, из-под козырька проходной, и никогда не видела вот так, сверху, где они казались не зданиями, а расчётами, выведенными светом. Окна отражали друг друга. Огни в одной башне дрожали в стекле соседней, и от этого весь район выглядел живым и одновременно безразличным, как график, который сам себя перерисовывает.

Она подошла ближе. Стекло было прохладным, даже на расстоянии ладони от него. В отражении возникла её фигура, маленькая и тёмная на фоне огней, и Ксения невольно выпрямила спину, как делала всегда, когда входила в переговорную, где её не ждали.

Кухня была отделена от гостиной длинным островом из светлого камня. Ни крошки, ни кружки, ни магнита на холодильнике. Ксения провела ладонью по поверхности и не почувствовала ничего, кроме гладкости и холода. Она вдруг подумала, что этот остров не использовали для еды. На нём проводили совещания и подписывали бумаги, а кофе пили стоя, между звонками.

На острове лежала одна вещь: плотная карточка с кодом от лифта и ключ, тяжёлый, матовый, без брелока. Рядом листок, сложенный вдвое. Ксения развернула его.

«Ключи. Кофе в шкафу слева. Я буду в девять. В.Г.»

Почерк был ровным, без нажима, с буквами, стоящими строго на одной линии. Она невольно сравнила его с подписью на договоре, которую видела вчера, и не нашла различий: тот же наклон, та же аккуратность, как будто он писал не слова, а таблицы.

Телефон в кармане пальто дрогнул. Ксения достала его и прочитала сообщение от матери. «Доехала? Не суетись. Я тут Бунина читаю, представляешь, и ещё сочинение проверяю на старости лет. Ни одного живого человека в тексте, одни прилагательные».

Ксения улыбнулась, впервые за день, и быстро набрала ответ: «Доехала. Квартира как аквариум. Вечером позвоню. Не читай Бунина ночью, опять будешь плакать». Отправила и почувствовала, как внутри что-то чуть отпускает. Мама всегда умела говорить о чём угодно так, чтобы разговор не становился жалостью.

Она положила телефон на остров. Экран погас.

В голове крутились цифры, как всегда в такие минуты. Четыре миллиона восемьсот. Операция назначена на декабрь. Предоплата уже ушла в клинику, и это было первое, что она увидела утром в банковском приложении: строчка, которой не должно было быть, и сумма, которой никогда не было в её жизни. Деньги пришли не через неё. Громов настоял на этом, и она согласилась, потому что так было правильнее: её руки не должны были касаться этого перевода, иначе каждый день она считала бы, сколько у неё осталось до конца.

Она подошла к обеденному столу, который стоял у стены, рядом с шкафом, и выглядел так же безупречно, как всё остальное. Дерево было светлым, без единой метки. Ксения огляделась, словно ждала, что кто-нибудь сейчас выйдет из соседней комнаты и скажет, что ей здесь не место.

Никто не вышел. Слышно было только, как где-то далеко, внизу, проходит трамвай по эстакаде, и тихий гул вентиляции, который не давал тишине стать абсолютной.

Ксения сняла пальто, повесила его на спинку стула и положила сумку у ножки. Потом взяла папку, раскрыла её на секунду, увидела свою подпись на последней странице, рядом с его, и закрыла обратно.

Папка легла на стол с сухим, негромким звуком. Ключ лежал у неё в кармане, номер квартиры был в её телефоне, а её имя стояло под договором рядом с его. Назад дороги не было, и Ксения стояла и смотрела на город за стеклом, пока огни внизу не стали казаться ей частью этой комнаты.

Первой мыслью было разложить вещи, пока руки заняты. Ксения открыла сумку, достала свитеры и на секунду задержалась над книгой Чехова. Ставить её на полку в чужой квартире казалось почти вызовом, будто она заявляет права на угол, который ей не выделяли. Она положила книгу обратно, на самое дно.

Потом прошла по гостиной. Ковров не было, картин тоже. Ни одной фотографии на стенах или на полках, ни вазы, ни цветка. Только низкий диван тёмно-серого цвета, два кресла, стеклянный журнальный столик и тонкий торшер в углу, который ещё не был включён. Всё стояло так точно, что Ксения поймала себя на желании проверить, не лежит ли где-нибудь линейка.

Она подумала о том, как выглядел бы этот дом, если бы в нём жила её мама. Тамара Петровна первым делом повесила бы на окно занавеску с выцветшими маками, поставила бы на подоконник герань в банке из-под кабачковой икры и выложила бы на стол стопку книг, которые читает одновременно. Здесь не было ни одной вещи, которая могла бы рассказать о хозяине. Ксения не знала, пугает ли её это или, наоборот, успокаивает. Пустота не требует объяснений, а объяснений она боялась больше всего.

Она вернулась к стеклу. Город внизу не менялся. Огни на мосту тянулись тонкой цепочкой, машины двигались медленно, как капли по окну, и отражения в соседних башнях дробились на тысячи мелких точек. Где-то там, в одном из этих прямоугольников, сидели люди,

которые ещё работали, и люди, которые уже ужинали. Ксения вдруг подумала, что из этого окна не видно ни одного лица. Только свет.

Она достала из кармана телефон и открыла заметки. Список был короткий, в три строки, написанный ещё ночью. Четыре миллиона восемьсот тысяч. Декабрь. Первый транш. Под каждой строкой она оставила место для цифр, которых пока не знала. Ксения перечитала список и машинально пересчитала сумму, хотя уже делала это сто раз. Ничего не изменилось. Цифры всегда оставались теми же, когда на них смотришь, и менялись только после того, как перестаёшь на них смотреть.

Лифт за стеной вздохнул и снова затих. Ксения вздрогнула, хотя знала, что Громов придёт не раньше девяти. Она посмотрела на часы над кухней. Без десяти восемь. Значит, у неё был час, чтобы привыкнуть к квартире, и она потратила его на то, чтобы считать чужие стены.

Ксения села за обеденный стол, прямо, как сидела на собеседованиях, когда знала, что каждое слово будет записано. Положила ладони на светлое дерево. Оно было прохладным. Она вспомнила пункт седьмой, тот самый, с вопросом, который она поставила карандашом на полях. *Вне присутствия свидетелей.* Ей казалось, что даже в этой квартире слово «вне» значит больше, чем написано. Здесь не было свидетелей. Здесь вообще никого не было, кроме неё и тишины, которая слушала слишком внимательно.

Она подумала, что через месяц не сможет вспомнить, как выглядела эта комната в первый вечер. Ей станет казаться, что здесь всегда стояли эти кресла и горели эти огни. Так бывало со всем, что становилось привычным. Сначала ты замечаешь каждую деталь, потом перестаёшь её видеть, и тогда уже поздно что-либо менять.

Папка лежала перед ней, закрытая. Ксения потрогала её пальцем, потом убрала руку. Ничего не нужно было перечитывать. Всё, что она могла выторговать, было выторговано, и всё, что она могла проверить, уже проверено. Остальное зависело не от бумаги.

За стеклом мигнул красный огонь на крыше соседней башни, и через секунду погас. Ксения смотрела туда, пока глаза не начали слезиться от усталости. Она не встала, не пошла к двери и не нажала на кнопку лифта. Она просто сидела и понимала, что путь назад существует только на бумаге, а в этой комнате его уже нет.

* * *

Громов появился ровно в девять. Ксения услышала, как открылась дверь лифта, потом короткий щелчок замка, и поняла, что сидит за столом в той же позе, в какой её оставила, с ладонями на светлом дереве. Она выпрямила спину и встала до того, как он вошёл в комнату.

Он был в тёмном пальто, без галстука, с папкой под мышкой. На секунду он замер у входа, посмотрел на её пальто, повешенное на спинку стула, на сумку у ножки, на книгу, которую она не стала ставить на полку, и ничего не сказал. Потом положил папку на остров и снял пальто.

— Вы устроились, — сказал он.

— Пока только посидела.

— Это тоже устройство. — Он подошёл к шкафу, открыл дверцу, достал чашку и поставил её под кофемашину. — Пойдёмте, покажу вашу половину.

Ксения ожидала коридора, двери и комнаты. Громов провёл её через гостиную к лестнице, которую она не заметила в первый раз. Лестница вела вниз, на нижний уровень, где пол был темнее, а воздух тише. Здесь тоже было стекло, но меньше, и оно выходило не на город, а на узкую террасу с низкими светильниками.

— Гостевая часть, — сказал Громов, открывая первую дверь. — Спальня, санузел, гардеробная. Вход отдельный, через коридор. Ключ от вашей двери у вас есть.

Комната была светлой. Кровать застелена серым покрывалом, на тумбе стояла лампа с матовым абажуром. У окна висело кресло, которое никто, судя по виду, не трогал. Гардеробная

оказалась больше, чем её прежняя квартира на Кожевнической, если считать по метрам, и Ксения поймала себя на том, что прикидывает стоимость квадратного метра в этом районе и тут же одёргивает себя.

— Здесь хорошо, — сказала она.

— Вы сказали это тоном человека, который ищет подвох.

— Я аналитик. Я всегда ищу подвох.

Громов взглянул на неё и впервые за вечер чуть заметно кивнул, будто отметил строку в отчёте.

— Ванная, — продолжил он. — Ваша, отдельная. Моя — по другую сторону коридора.

Ванная была выложена тёмным камнем, с большой ванной и стеклянной перегородкой. Ксения провела пальцами по полотенцу, сложенному в аккуратный прямоугольник. Оно было новым, без запаха стирального порошка, и она подумала, что его, вероятно, купили вчера вместе со всем остальным, чтобы в квартире ничего не напоминало о прошлом.

Они вернулись в гостиную. На обеденном столе, рядом с папкой, лежали листы, скреплённые металлической скрепкой. Громов положил на них ладонь и подвинул к ней.

— Правила совместного проживания, — сказал он. — Прочитайте, пожалуйста, перед тем как лечь. Если что-то не подходит, скажите сейчас. Так будет проще, чем через месяц.

Ксения взяла листы. Шрифт был мелкий, строчки ровные, поля одинаковые, как у документа для регулятора. Она пробежала глазами по заголовкам. «Ванная». «Кухня». «Часы тишины». «Порядок встреч в общих помещениях».

— Вы распечатали это заранее, — сказала она.

— Я предпочитаю знать, что будет написано, до того, как это произойдёт.

— Это похоже на вас.

Он не ответил, только отошёл к окну и остался стоять там, спиной к ней, засунув руки в карманы.

Ксения села и начала читать. Ванная: утренние часы с семи до восьми закреплены за Громовым, после девяти — за ней, в промежутке — по согласованию. Кухня: две полки в холодильнике, верхняя и нижняя, посуда мыется сразу после использования, продукты подписываются. Ей понравилось последнее, это было разумно и почти смешно, и она решила не улыбаться.

Пункт о часах тишины занимал половину страницы. С двадцати трёх до семи в общих помещениях запрещались громкие разговоры, телефонные звонки без наушников и работа с техникой, создающей шум. Ксения перечитала пункт дважды.

— Здесь написано, что с одиннадцати вечера нельзя говорить по телефону в гостиной, — сказала она, не поднимая головы.

— В общих помещениях.

— Я работаю с двух рынков. Швейцарские коллеги выходят на связь после одиннадцати, потому что у них обед затягивается. Мне придётся говорить с ними, и я не буду сидеть в спальне с гарнитурой, как будто меня запирают.

Громов повернулся от окна.

— Вы предлагаете внести изменение.

— Я предлагаю уточнить. Звонки по рабочим вопросам разрешаются в любой части квартиры при условии, что я закрываю дверь. Если вы не работаете ночью, вы не услышите ни слова.

Он помолчал. Ксения видела, как он мысленно раскладывает её формулировку, проверяет на ошибки, ищет место, где можно за неё зацепиться.

— Пункт звучит как уступка, — сказал он наконец. — Значит, вы хотите, чтобы он звучал как условие.

— Я хочу, чтобы он звучал точно. Если там будет написано «по согласованию», мы через неделю будем спорить, что значит «согласовано».

— Хорошо. Добавьте, — сказал он. — Формулировку напишете сами.

Ксения достала карандаш из сумки, которую он не взял в руки, и вписала три строчки на полях. Почерк у неё был мелкий, с наклоном вправо. Она пододвинула лист к нему.

— Вот.

Громов прочитал и кивнул.

— Принято.

Она перевернула страницу. Пункт шесть назывался «Приглашение посторонних». Визиты гостей на территорию квартиры допускались только по предварительному согласованию за сутки. Ксения перечитала его несколько раз и почувствовала, как внутри что-то сжимается, не от злости, а от мысли, которая пришла сразу.

— Здесь нужно исключение, — сказала она.

— Какое?

— Моя мать. Тамара Петровна. Она может приехать в любое время, без предупреждения, и ночевать здесь, если понадобится. Ей не нужно будет разрешение.

Громов опустил взгляд на её руку, которая лежала на листе.

— Она не посторонняя, — сказал он.

— Она не посторонняя. Но если написать «родственники», это будет звучать слишком расплывчато. Я хочу, чтобы было написано её имя.

Он не сразу ответил. Ксения ждала, что он скажет что-то сухое про юридические риски или про то, что пункт нарушит баланс. Но Громов просто подошёл к столу, взял ручку из нагрудного кармана пальто, которое висело на стуле, и приписал внизу страницы одну строку.

«Т. П. Орлова — допуск без ограничений, в любое время суток».

Подпись под строкой он не ставил. Просто поставил точку и положил ручку рядом с листами.

— Вы умеете читать мелкий шрифт, — сказал он.

— Я аналитик.

— Это я уже слышал.

Ксения посмотрела на строку. Она была короче, чем могла бы быть, и написана тем же ровным почерком, что и записка на кухне. Ей стало неловко, хотя она не могла объяснить почему. Словно он увидел что-то, что она не собиралась показывать.

— Спасибо, — сказала она.

Громов кивнул, без улыбки, и собрал листы. Скрепка звякнула.

— Завтра в восемь у меня звонок с Цюрихом. Вам нужно будет быть на связи с шести, если хотите вникнуть в график. Я пришлю расписание.

— Пришлите, я посмотрю.

— Спокойной ночи, Ксения.

Он произнёс её имя ровно, без паузы, как произносил цифры на совещаниях. Потом ушёл к лестнице, и через минуту она услышала, как закрылась дверь его спальни.

Ксения осталась за столом. Она отнесла свою чашку, так и не выпитую, к раковине, вымыла её и поставила на полку слева, как велели правила. Потом спустилась вниз, в свою половину, включила лампу над кроватью и долго смотрела на серое покрывало, не решаясь лечь.

Из окна была видна терраса, светильники на полу и кусок неба над соседней башней, на котором не было ни звёзд, ни луны, только рассеянное зарево. Ксения задёрнула штору и села на кровать. Снова открыла заметки в телефоне, посмотрела на список. Четыре миллиона восемьсот. Декабрь. Первый транш. Она дописала: «Т.П. — без ограничений». Потом стёрла и написала снова, другими словами.

Около двух ночи она проснулась от звука, которого не могла сразу узнать. Это были шаги. Мягкие, размеренные, без спешки. Они шли по коридору наверху, доходили до конца, пово-

рачивали и возвращались. Потом снова. Ксения лежала, не двигаясь, и считала. Десять шагов туда, десять обратно. Пауза у двери, которая вела на нижний уровень. Ещё пауза, длиннее первой.

Она подумала, что он может спуститься. Что сейчас он постучит, и она не знает, что ответит. Но шаги снова ушли вглубь квартиры, и через минуту всё затихло.

Тишина вернулась, но уже другая. Ксения слушала её и понимала, что она не пустая. В ней было что-то плотное, будто воздух стал гуще, и каждый звук, который она могла бы издать, сразу терялся и возвращался к ней обратно. Она повернулась на бок, потом на спину, потом снова на бок, и так и не смогла заснуть до самого рассвета.

Глава 4
Первый выход

Фотографы стояли за чёрной рамкой с логотипом фонда, в три ряда, и вспышки били ровно, без перерыва, как пульс у прибора. Ксения шла рядом с Громовым по красной дорожке и считала про себя: шаг, вспышка, шаг, вспышка. Платье было не её. Его выбрала стилист фонда, молодая женщина с тихим голосом и сантиметровой лентой на шее, и оно стоило больше, чем Ксения зарабатывала за два месяца до ноября. Тёмно-синий шёлк, открытая спина, ткань, которая на ходу тянулась за телом и не мешала. Ксения ни разу не надевала ничего подобного и теперь чувствовала себя так, будто на ней чужая кожа.

Громов остановился у рамки и повернулся к ней. Не спеша, как будто это было предусмотрено регламентом. Его ладонь легла ей на талию, сверху вниз, через шёлк, и замерла.

Ксения не вздрогнула. Она заранее решила, что не будет, и выполнила это решение, хотя тепло его руки прошло через ткань быстрее, чем она успела о нём подумать.

— Улыбайтесь, — сказал он, не поворачивая головы. — Они ждут именно этого.

— Я улыбаюсь.

— Вы улыбаетесь, как на защите отчёта.

— Это моя обычная улыбка.

Вспышки сменились одна за другой. Кто-то из фотографов крикнул её имя, потом его, потом фамилию фонда, и Громов чуть наклонил голову, отвечая на вопрос, которого она не расслышала. Ксения поняла, что он говорит о сборе средств, о детской онкологии, о трёх отделениях, которые фонд решил поддержать до конца года. Говорил он коротко и точно, без пауз, как умеют люди, которые привыкли, что их слушают до конца.

Его рука оставалась на её талии. Ксения знала, что это правильно. В пункте четвёртом значилось: публичное поведение пары должно быть естественным и соответствовать статусу совместных мероприятий. Слово «естественным» они с Глебом обсуждали полчаса. Глеб тогда сказал, что естественность в договорах никогда не бывает естественной, и Громов не стал спорить.

— Тамара Петровна звонила вам сегодня? — спросил он вполголоса.

Вопрос застал её врасплох. Не потому, что он был неуместен, а потому что он задал его в этот момент, у рамки, при свете вспышек, как будто между делом.

— Утром, — ответила она. — Она спрашивала, какой наряд мне выдали. Я сказала, что синий. Она сказала, что синий мне пойдёт, но просила не слишком стараться.

— Почему?

— Потому что ей кажется, что я стараюсь слишком сильно. Так она говорит, когда хочет сказать, что волнуется.

Громов не ответил, но ладонь на её талии чуть сместилась, точнее, устойчивее, будто он проверял, насколько ей удобно.

Они прошли внутрь. Зал был высоким, с белыми колоннами и люстрами, которые висели так низко, что Ксения видела, как в хрустале дрожит отражение свечей. Столы стояли полукругом, у сцены, на каждом табличка с именем и маленькая карточка с суммой, которую обещал внести гость. Ксения мысленно прочитала несколько цифр и сбилась на третьей. Ей было неловко считать чужие пожертвования, но она считала. Привычка.

Официант предложил шампанское. Громов взял один бокал, Ксения другой, и она сделала глоток, не почувствовав вкуса.

— Вам нужно отойти от колонны, — сказал он. — Там хуже всего видно.

— Видно что?

— Что вы не смотрите на сцену.

— Я смотрю на сцену.

— Вы смотрите на люстру.

Ксения хотела ответить, что люстра тоже часть мероприятия, но не успела. Со стороны выхода к ним шёл мужчина, и она узнала его раньше, чем разглядела лицо. Так узнают шаг, который слышишь в коридоре и понимаешь, что он не случаен.

Лев Немирович двигался легко, не обходя людей, а словно чуть сдвигая пространство, чтобы оно уступало. Тёмный костюм, без галстука, воротник рубашки открыт ровно на одну пуговицу. Ему было сорок, может, чуть больше, и возраст ему шёл, как бывает у людей, которые следят за собой без видимого усилия. Улыбка была безупречной. Ксения подумала, что её, наверное, тренировали перед зеркалом, и тут же одёрнула себя: это была несправедливая мысль, и она не имела к делу никакого отношения.

— Вадим, — сказал Немирович, протягивая руку. — Рад видеть тебя в хорошей форме. Швейцарская команда в восторге от твоих цифр, хотя они, конечно, сделают вид, что ничего не заметили.

— Лев, — ровно ответил Громов и пожал руку. — Ты приехал раньше, чем мы договаривались.

— Я приехал вовремя. Это ты всё время раньше.

Немирович перевёл взгляд на Ксению. Медленно, без спешки, так, что она почувствовала это почти физически, как прикосновение, которого не было.

— А это, конечно, Ксения Орлова, — сказал он. — Вы в тот вечер не пришли на ужин, и я до сих пор думаю, не обиделся ли на меня ваш аналитический отдел.

— Аналитический отдел не обижается, — сказала Ксения. — Он считает.

— И что он насчитал?

— Что вы приехали за два дня до ужина, чтобы посмотреть, кто будет на нём сидеть.

Немирович рассмеялся. Смех у него был низкий, настоящий, и это было самое неприятное в нём: он не играл, по крайней мере сейчас.

— Вы правы, — сказал он. — Но я приехал не за ужином. Я приехал посмотреть на женщину, о которой все говорят в кулуарах Цюриха. Говорят, что она лучше всех в фонде понимает швейцарский рынок. И что она одевается так, будто ей всё равно, что о ней подумают.

— Мне не всё равно.

— Вот как?

— Мне всё равно, что подумают вы.

Немирович перевёл взгляд на Громова, потом обратно.

— Редкая честность для вашего окружения.

— Она у нас в договоре не прописана, — сказал Громов.

Он произнёс это спокойно, почти сухо, без улыбки, но Ксения почувствовала, как пальцы на её талии сжались. Не резко, не демонстративно. Просто сильнее, чем минуту назад, как будто он решил, что держать её надо крепче.

Немирович заметил это. Ксения увидела, как его взгляд на долю секунды задержался на руке Громова, потом поднялся к её лицу.

— Вы очень удачно выбрали момент для знакомства с фондом, Ксения, — сказал он. — Мне кажется, вам не нужен человек, который будет решать за вас. Вы из тех, кто сам выбирает, куда смотреть.

Это был комплимент. Ксения поняла это сразу, и поняла также, что он рассчитан. Немирович не просто говорил приятное. Он смотрел, как она на него отреагирует: вздрогнет, покраснеет, улыбнётся, спросит, что он имеет в виду. Он проверял, где у неё стоит предохранитель.

— Я выбираю то, что мне нужно для работы, — сказала она. — Остальное меня не интересует.

— Жаль. Я надеялся, что в вас больше любопытства.

— Любопытство дорого стоит, господин Немирович. Я предпочитаю считать.

Громов чуть наклонил голову, и в этом движении было что-то очень спокойное и очень опасное. Ксения не могла бы объяснить, что именно. Он не изменил выражения лица, не повысил голоса, не сделал ничего, что можно было бы назвать ответом. Но Немирович, кажется, это почувствовал, потому что сказал уже другим тоном:

— Вадим, ты, как всегда, держишь её близко.

— Я держу её там, где нужно, — ответил Громов. — Это условие нашего совместного мероприятия.

— Условие?

— Публичная часть. Ты видел фотографов у входа.

— Видел. И видел, как они смотрят на твою руку.

Громов не ответил. Вместо этого он взял Ксению за локоть, легко, почти не касаясь, и сказал:

— Нам пора к столу. Лев, поговорим после ужина. Я пришлю тебе расписание на завтра.

Немирович улыбнулся, слегка поклонился, и Ксения поймала в этой улыбке что-то, чего не ожидала: не досаду, не злость, а interest, живой и холодный, как у человека, который только что нашёл недостающую деталь в чужой схеме.

— Ксения, — сказал он, уже отступая. — Было приятно познакомиться. Надеюсь, в следующий раз вы не будете смотреть на люстру.

Он ушёл, и толпа сомкнулась за его спиной.

Ксения вдохнула, поняв только сейчас, что почти не дышала. Пальцы Громова всё ещё лежали на её локте. Она чувствовала их через ткань, тяжёлые и ровные, но не расслабленные.

— Вы его не любите, — сказала она тихо.

— Я его знаю.

— Это не одно и то же.

— Для деловых отношений — одно и то же.

— Для меня нет.

Громов посмотрел на неё сверху вниз. В зале играла музыка, кто-то смеялся у сцены, кто-то просил официанта принести ещё шампанского. Вспышки за дверью продолжали бить, но здесь, у колонны, их почти не было видно.

— Он сказал, что вы одеваетесь так, будто вам всё равно, — произнёс Громов. — Это неправда.

— Я знаю.

— Тогда зачем вы ему это позволили?

— Он не спрашивал моего разрешения.

Громов помолчал. Потом убрал руку с её локтя, медленно, и Ксения почувствовала, как холод вернулся туда, где было тепло.

— Идёмте, — сказал он. — Нас ждут за столом номер четыре. Там будет Глеб, и он наверняка уже заметил, что вы смотрите на люстру.

Ксения пошла рядом с ним. Она не смотрела на люстру. Она смотрела на его профиль, на линию челюсти, на то, как он поворачивает голову, когда кто-то окликает его по имени, и думала, что Немирович прав в одном: она действительно не понимает, куда смотреть.

* * *

Машина ждала у бокового выхода. Чёрный седан с затемнёнными стёклами, водитель Игорь распахнул заднюю дверь так быстро, будто боялся, что они передумают. Ксения села первой и подвинулась к окну. Громов опустился рядом, не слишком близко, ровно на той дистанции, которую задавал четырнадцатый пункт договора: «в транспорте стороны занимают места по своему усмотрению». Глеб писал этот пункт с таким удовольствием, что Ксения однажды спросила, не получает ли он процент от каждого пробела в тексте.

Перегородка поднялась. За стеклом Игорь включил радио, но сделал звук почти неслышным, так, что в салоне остался только шорох шин по мокрому асфальту.

Машина вырулила на набережную. Справа поплыли башни Москвы-Сити, одна за другой, и в каждой окна горели по-разному: где-то ровно, где-то рваными квадратами, как в недостроенном доме. Ксения смотрела на них и считала. Так было проще. Двенадцать выходов по договору, из них этот второй. Один пункт о публичной демонстрации, девятый, и одна фраза в нём, которую она перечитала за вечер раз пять: «Близкие отношения должны выглядеть убедительными для третьих лиц».

— Вы держали меня так, будто я чемодан, — сказала она, не оборачиваясь.

Громов не сразу ответил.

— Вот как.

— Именно так. Вы держали меня за талию, как держат что-то хрупкое и дорогое, что могут уронить. Любой фотограф видит это за три метра.

— Фотограф видит, что я держу свою невесту.

— Фотограф видит, что вы боитесь её уронить.

— Я ничего не боюсь.

— Вы боялись, когда Немирович подошёл.

Он повернул голову. В полумраке салона его лицо было почти непроницаемым, но Ксения знала эту неподвижность. Так он выглядел на совете директоров, когда кто-то из инвесторов задавал вопрос, на который у него не было готового ответа.

— Я держал вас крепче, потому что Лев смотрел на мою руку, — сказал он. — Это тактика. Он проверяет, есть ли у нас что-то, что можно сломать.

— А если и есть?

— Тогда он это узнает не от меня.

— Вот именно. Поэтому вы должны выглядеть так, будто это не сделка. Иначе никто не поверит.

— Поверят, если мы будем держаться естественно.

— Вы держитесь неестественно, Вадим Алексеевич. Поэтому естественно у вас получается только говорить «пункт».

Громов чуть прищурился. Игорь в переднем ряду перестроился, и огни встречных машин скользнули по салону, по его руке на коленях, по её ладони, лежавшей на сумочке.

— Вы хотите, чтобы я вас обнимал у колонны на глазах у половины совета директоров, — сказал он ровно. — Это вас устроит?

— Я хочу, чтобы вы не смотрели на меня так, будто проверяете условия договора.

— Я не смотрю на вас как на договор.

— А как?

Вопрос вырвался раньше, чем она успела его обдумать. Ксения почувствовала, как вспыхнули щёки, и разозлилась на себя ещё сильнее. Громов тоже молчал дольше, чем следовало бы. Потом сказал:

— Так, как смотрит любой человек, которому нужно, чтобы эта сделка не развалилась.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который можно внести в протокол.

— Тогда внесите в протокол, что на фотографиях мы должны выглядеть парой, которая не притворяется. Пункт девять этого не требует, но и не запрещает.

— Пункт девять требует убедительности. Убедительно для публики. Публика хочет видеть спокойствие, уверенность, а не судорогу.

— Судорогу?

— Вы сейчас сжимаете сумку так, будто там гранаты.

Ксения посмотрела на свои пальцы. Действительно, побелели костяшки. Она разжала руку и положила ладонь на колено, демонстративно и без всякой надежды, что он это заметит.

— Вы сами сжали мою руку, когда Немирович сказал про ужин, — произнесла она. — Это тоже было убедительно?

— Это было не по сценарию.

— Значит, сценарий у нас есть, а убедительность нет?

— Сценарий есть у фотографов. Не у нас.

— У нас есть договор, в котором сказано, что мы не имеем права чувствовать ничего лишнего. Вы его писали.

— Я его писал, чтобы вы не попали в ситуацию, где кто-то решит за вас, что вы чувствуете.

— Никто ничего не решал. Вы решили за меня, когда взяли меня за руку у колонны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.